Автор: admin
22.10.2010 22:52 -

Наполеон - Габен (Стратиевская) - Часть 2

5. Цезарь — Габен. Борьба амбиций. Сенсорное противостояние.
Чем дольше партнёры взаимодействуют друг с другом, тем больше их программно - наблюдательные противоборства обостряются. Ссоры и размолвки могут возникать по каждому поводу, но сам механизм их взаимодействия таков, что начав спорить, партнёры уже не могут бесконфликтно закончить дискуссию — каждый из них захочет оставить последнее слово за собой. И дело тут не столько в расхождении вкусов, сколько в борьбе амбиций: снобизм Габена задевает самолюбие Цезаря, которое в свою очередь задевает амбициозность Габена.

Начинается борьба за приоритет и первенство мнений, при которой ни один из партнёров не соглашается быть вторым и никто никому не уступает превосходства.

Цезарь сопротивляется рекомендациям Габена, потому что не желает признавать себя глупее его, Габен не пожелает признавать себя глупее Цезаря, а потому и заставляет его следовать своим рекомендациям.

Кроме того, Габену неприятно и самодовольство Цезаря, и его самолюбование — в этом ему видится отсутствие должной самокритичности. (Хотя, на самом деле, здесь имеет место глубокое мировоззренческое разногласие).

— Ну, ещё бы! Какие же миражные отношения без мировоззренческих разногласий...

— Точнее, недопониманий. К чему, например, отнести тот факт, что Цезарь далеко не всегда стесняется своей полноты?

— Отсутствие вкуса? Недостаток силы воли?

— Ни то, ни другое. (Хотя именно это в первую очередь и подумает Габен). Полнота для Цезаря не всегда является областью эстетических стандартов, иногда ещё она относится и к области его субъективного пространства, к количеству занимаемого им места. А это уже касается непосредственно его программы, аспекта волевой сенсорики — желания захватить всё окружающее пространство и подчинить (“поглотить”) все окружающие его объекты.

Вследствие этого Цезарь как раз и не склонен к само ограничениям. (“Хорошего человека должно быть больше.”) Цезарь может заставить себя похудеть, если это является необходимым условие его творческой самореализации в социуме. (Но тогда уже к этому его обязывают не эстетические стандарты, а его квадровый комплекс "связанных рук" — необходимость получить нужную работу, желание быть конкурентоспособным). Во всех остальных случаях Цезарь может либо пренебрегать эстетическими стандартами (снизить их по своему усмотрению), либо “разрывается”

между двумя противоречивыми желаниями, (между своим программным и наблюдательным аспектом) — желанием выглядеть эстетично и желанием захватить побольше пространства. А споры с Габеном, таким образом, только обостряют это противоречие. Под нажимом Габена Цезарю приходится делать уступки по своей программной функции, а на это любой человек соглашается неохотно.

— Получается, что и “аппетиты” Цезаря здесь “противоборствуют” с “ограничениями” Габена...

— Как бы то ни было, Габен не поощряет склонность Цезаря к излишествам — сам он является противником всякого рода пресыщений и, в частности, это касается сферы их сексуальных взаимоотношений.

— А здесь вообще должна возникать путаница — ведь секс, как область взаимодействия относится к программному аспекту каждого из них: к аспекту сенсорики ощущений (как к способу получения чувственных удовольствий) и к аспекту волевой сенсорики, (как к способу физического обладания объектом).

— По этому поводу у них и возникают программные разногласия: то, что для одного является предметом культа (рафинированного наслаждения), для другого — вопрос принципа (удовлетворения потребностей). Поэтому и обсуждение этой темы будет проходить на уровне количественно - качественных критериев: Цезарь не любит себя ограничивать в сексуальных удовольствиях, Габен не принимает наслаждений, навязанных ему насильно — это слишком глубоко противоречит его программе и это достаточный повод для того, чтобы отстраниться от партнёра.

И это как раз то, что происходит в данной диаде: испытывая возрастающий сенсорный (и психологический) дискомфорт, Габен всё больше отдаляется от Цезаря, ускользает от него, придумывая различные предлоги и отговорки.

— Но Цезарь этого не потерпит! Он не позволит Габену просто так ускользнуть! Поскольку это противоречит его программным принципам. Он во что бы то ни стало должен удержать партнёра...

— С этого и начинается их жёсткое программное противоборство, когда каждый из них уже борется за свой естественный способ мировосприятия, защищает свои принципиальные программные интересы, переходит к крайним мерам убеждения, отстаивают свой последний рубеж. Борьба здесь идёт не только за сферы влияния, но и за собственные личностные права. (Габен имеет право уйти, Цезарь считает себя вправе заставить его вернуться).

— Чем “заклиниваться” на таком противоборстве, самое бы время вспомнить, что оба они — стратеги. И значит следует пустить в ход свои гибкие манипулятивные функции (в том числе и интуитивные) и с их помощью “отвоевать” упущенные позиции.

— Именно так они и поступят. Причём, самым гибким и “уступчивым” здесь, вероятно,

окажется Цезарь. Как этик-эмотивист он непременно попытается вернуть себе былое расположение партнёра. (Причём, сделает это ещё и для того, чтобы снова утвердиться по своей волевой сенсорике). Цезарь не сможет смириться с тем, что партнёр от него “бегает”, он непременно должен оставить последнее слово за собой. Лучше он сам потом партнёра “бросит”, но сейчас он должен вернуть его любой ценой. А для этого он может поступиться и своими амбициями. Пользуясь дипломатичной этикой отношений, он сделает всё возможное, чтобы снова расположить к себе Габена и заставить его поверить, что впредь их отношения сложатся самым наилучшим образом.

Пример такой ситуации представлен в популярной (в семидесятые годы) мелодраме “Вас ожидает гражданка Никанорова”. (Героиня Натальи Гундаревой (Цезарь) — влюбчивая и доверчивая колхозница, всю жизнь ожидающая “принца” и готовая пойти за первым встречным хоть на край света; и зоотехник Дёжкин — персонаж Борислава Брондукова (Габен) — “положительный” и одинокий ветеринар (её квартирант), тихий, замкнутый и упрямый, с обострённым чувством ответственности и собственного достоинства.

Поначалу герои ждут друг от друга всего самого худшего, поскольку оба “научены” предыдущим горьким опытом: она ожидает, что он будет к ней самым бестактным образом приставать, он — что она будет выживать его из дома. Затем каждый из них удивляется тому, что партнёр проявляет себя далеко не с худшей стороны: она демонстрирует радушие и гостеприимство (творческая этика отношений Цезаря), хотя до этого проявляла агрессивность, вышвыривая его вещи из дома. Он — оказывается безобидным и аккуратным постояльцем, полезным в доме человеком, умеющим починить всякую испорченную вещь (творческая деловая логика Габена). Попеременно каждый из них пытается доказать, что он “не такой”, каким кажется на первый взгляд: она не такая уж легкомысленная, как о ней судачат, а он не такой наглый и безответственный, как все её предыдущие ухажёры. (Хотя это уже само по себе указывает на то, что каждый из них видит партнёра не таким, какой он есть, понимает его действия искажённо, принимает его за кого - то другого). В дальнейшем, герои всё больше запутываются в своих “размолвках” и “недоразумениях”, недопонимая мотивацию поступков друг друга (как это часто и бывает в миражных отношениях). И когда, казалось бы, они оба могли составить уже неплохую супружескую пару, каждому из них начинают мешать амбиции партнёра: его задевает её склонность к хвастовству и самолюбованию (он ещё не успел ей предложить выйти за него замуж, как она уже раззвонила об этом всей деревне), её задевает его притворное равнодушие к её женским чарам. Пытаясь уязвить его самолюбие, она “дразнит” его, провоцирует ухаживания других мужчин. (Поиск стратегий и тактики.) Когда же ей всё - таки удаётся обратить на себя его внимание, она слишком торопится подчинить его своей воле, (грубит ему, хамит, помыкает им), что у него восторга не вызывает.

Новоиспечённый жених пытается отстоять своё мнение, личное достоинство и свободу, но этим он только усугубляет конфликт: обиженная в лучших чувствах гражданка Никанорова, снова указывает ему на дверь.

“Квартирант” не заставляет себя упрашивать, собирает свои вещи и уходит. (Мы уже

знаем, что Габена опасно выгонять из дома — он не только не прощает обиды, но и сам уходит при малейшем ощущении дискомфорта, заставляя партнёра помучиться и побегать за собой). Именно это и происходит с гражданкой Никаноровой: будучи подсознательно ориентированной на мягкого и терпимого (к её экстравагантным выходкам) дуала — предусмотрительного интуита Бальзака, она и не ожидает, что её новый друг способен на такую жестокую меру. Она уже начинает сожалеть о своём поступке и пытается любым способом вернуть “постояльца” домой, для чего и бежит на вокзал и даёт объявление по радио. А откликнется ли он на её призыв — это уже другой вопрос...

6. Цезарь — Габен. Взаимодействие двух стратегов

— И, что же может быть с ними дальше?..

— Ничего особенного: Цезарь “поработает” и по своей демонстративной этике эмоций (+ч.э.8) — всплакнёт и раскается, признает свои ошибки и постарается очаровать Габена, постарается смягчить его, успокоить и расслабить. После чего надеется примириться с ним. “Прикинется овечкой” и по нормативной интуиции возможностей (+ч.и.3) найдёт способ убедить Габена в своих самых лучших намерениях, даст какое - то объяснение своим поступкам, чем- нибудь оправдается — короче, постарается проконтролировать ситуацию эмотивно, этически и стратегически, что для Цезаря тоже очень важно. Постарается вернуть себе партнёра.

Габен снова попадёт под эмоциональное воздействие Цезаря, снова перестанет испытывать чувство опасности и психологического дискомфорта. Одновременно с этим он активизируется и по аспекту этики отношений. (Габен — оптимист, почему бы ему и не поверить, что теперь у них всё будет хорошо?) Ему снова захочется сделать что - нибудь приятное для партнёра, захочется позитивно и творчески “проявить” себя по аспекту деловой логики (+ч.л.2), а этим он уже активизирует Цезаря (+ч.л.6) на какую - то новую, полезную для обоих деятельность.

— Ну вот они и поладили! Теперь у них всё будет хорошо!..

— Но только до тех пор, пока бурно активизировавшийся Цезарь не захлестнёт Габена своей удушающе пылкой любвеобильностью. (Сенсорика ощущений (-б.с.7) в инертном блоке). А это значит, что Габен опять вынужден будет отстраниться от партнёра, чем и спровоцирует его на новую “разборку”, новое преследование (новую "загонную охоту") и новое выяснение отношений.

— И Цезарю не надоедает так “охотиться” за Габеном!

— Ещё как надоедает! (Не говоря о том, что это ущемляет его самолюбие.) Но если он опять “прозевал” момент, когда можно последнее слово оставить за собой, ему ничего другого не остаётся как пересмотреть всю свою “стратегию” и изыскать для себя новые возможности и новые приложения усилий — то есть “поработать” по своей нормативной интуиции возможностей. (Необходимость усилить работу по этой функции возникает у Цезаря по объективным причинам: Габен, как известно, подсознательно сориентирован

на программного интуита Гексли, который не даёт ему соскучится и каждый раз старается быть новым и непредсказуемым. Потому Цезарь и вынужден каждый раз напрягать своё воображение, чтобы удивлять Габена чем - то принципиально неожиданным. Для этого ему и приходится кардинально менять свою стратегию и манипулировать одновременно и интуицией возможностей, и этикой отношений — так он будет ближе к модели поведения Гексли).

Цезарь может направить свои интересы и в противоположную от партнёра сторону, (так что тот даже почувствует себя обделённым его вниманием), может и намеренно возбудить ревность Габена, совмещая для себя приятное с полезным —может находить для себя и новые сферы влияния (новые объекты свих интересов) и одновременно выстраивать новую стратегию по отношению к Габену. (У Цезаря тоже хватает самолюбия не бегать за партнёром, он найдёт себе тех, кому его общество более приятно.).

А это уже разобидит и Габена — он тоже начнёт обделять Цезаря вниманием, тоже найдёт способ задеть самолюбие партнёра и заставить его побегать за собой...

— Здесь уже пойдёт противоборство их стратегий...

— ...И тактик. Из двух стратегов кто - то должен становиться и тактиком. А тактика меняется ежесекундно и ситуативно. Так что здесь уже каждый пустит в ход все свои манипулятивные функции, в том числе и демонстративные. И, значит, то, что раньше было “инструментом поддержки”, сейчас становится “орудием противоборства”; партнёры перестают “прикрывать” “комплексы” друг друга. Габен начинает всё чаще придираться к Цезарю, “подкалывает” его, иронизирует, “подрезает” на полуслове, высмеивает его сумбурность и разбросанность. Цезарь же занимает “круговую оборону” и начинает “подлавливать” Габена на стереотипности его поступков, (чего Габен очень не любит), начинает просчитывать его “ходы” на сто шагов вперёд. Сбивает амбиции Габена, интуитивно чувствуя, что тот блефует, (“бить” его по слабой интуиции возможностей, которая у самого Цезаря находится на позициях осознанной, нормативной функции, у Габена — на позициях суггестивной — слабой, “слепой”; (каналы 3 — 5, 5 — 3, уровни СУПЕРЭГО — СУПЕРИД).

7. Цезарь — Габен. Интуитивное противостояние

Свои “проигрыши” по интуиции возможностей Габен “возмещает” преимуществами по интуиции времени (канал 3 — 5): навязывает Цезарю свои планы и свои темпы развития отношений, начинает то исчезать неведомо куда, то появляться в самый неподходящий момент; то обнадёживать партнёра обещаниями, то придумывать какие - то отсрочки и отговорки.

Разыгрывая по своей нормативной интуиции времени (б.и.3) роль предусмотрительного и дальновидного человека беспечный Габен может очень долго “морочить” предусмотрительного Цезаря, навязывая ему свои планы и заставляя его с ними считаться. Может манипулировать Цезарем посредством навязанных ему планов, может сделать его зависимым от них и удерживать общими планами и целями "на

крючке", не позволяя ему долгое время от них ни отказаться, ни уклониться (будет водить как на поводке, не позволяя соскочить и увлечься чем - нибудь (или кем - нибудь) другим, что окажется для него (для Габена) вполне посильной задачей, поскольку у самого Цезаря аспект интуиции времени попадает на позиции “слепой” и “всеядной” суггестивной функции (-б.и.5), терпение которой, впрочем, не беспредельно. Поэтому на каком - то этапе Цезарь вполне может перестать внушаться обещаниями Габена и начнёт моделировать ситуацию по собственному усмотрению, следовать собственным планам, предположениям и прогнозам.

Габен, чувствуя, что выпадает из планов Цезаря, непременно захочет в них снова “вписаться”. (У него тоже есть самолюбие, он тоже попытается оставить последнее слово за собой). Габен попытается убедить Цезаря в своих самых благих намерениях, может разработать позитивный план действий и попытаться навязать его партнёру (опять же, через суггестию, по аспекту интуиции времени); может начать и реализовывать эти планы по аспекту деловой логики. Чем опять же активизирует Цезаря на новые предприятия, которые могут оказаться новым тупиком или обернуться очередным миражным разочарованием.

8.Цезарь — Габен. Мираж как конкуренция и взаимное противоборство двух противоположных по верности сенсорных программ

Задача Габена (упрямого стратега, амбициозного аристократа, квестима, динамика и творческого технолога) сводится к тому, чтобы помешать Цезарю захватить всю власть в диаде. А для этого он применяет излюбленный (им как квестимом и программным сенсориком - интровертом) технологический приём: рассредотачивает силу, волю, время и энергию Цезаря во времени (по ролевой) и в пространстве, ослабляя этим его волевую экспансию, его влияние и волевое давление.

Технологическая же стратегия заключается в том, Габен, следуя этой цели, старается увлечь Цезаря бесконечным множеством разноплановых и противоположных по направлению (и приложению сил) деловых и творческих проектов, выгодно используя для этой цели характерную для Цезаря способность "разбрасываться" и вовлекаться во все успешные и перспективные мероприятия, происходящие вокруг. Вследствие этого и задача Габена сводится к тому, чтобы увлечь Цезаря своими замыслами и перспективными планами, гарантирующими успешность. После этого и соотношение сил в диаде уже меняется: Габен на правах вдохновителя и инициатора этой идеи начинает лидировать в этой диаде, активизирует Цезаря по аспекту деловой логики (аспект (+ч.л.), канал 2 — 6), управляет и руководит действиями Цезаря, который теперь уже оказывается в положении подконтрольного исполнителя - "ученика", становится этаким мальчиком на побегушках, взваливающим на себя всю самую тяжёлую работу и обязанным везде бегать, всё наилучшим образом улаживать и всюду успевать.

Начав манипулировать Цезарем, Габен от него уже не отстаёт: навязывает ему свой контроль, свою волю, устанавливает с ним отношения соподчинения (уже по самому факту такого рода взаимодействия) и доминирует в них, направляя активность и действия Цезаря в определённое (одному ему понятное и известное) русло. При этом сами отношения развиваются по схеме "учитель — ученик", и отчасти напоминают

соцзаказ (что также объясняется и тем, что Цезарь является зеркальщиком Драйзера — преемника и подзаказного Габена).

Попытка выйти из - под диктата Габена как правило оказывается безуспешной. Габен только посмеивается над всеми претензиями Цезаря: смотрит на него, как на дитя малое и неразумное и делает вид, что не воспринимает его замечаний всерьёз, после чего (без всякого объяснения причин) восстанавливает прежние, удобные ему ранговые отношения в этой диаде. Любую попытку Цезаря выйти на лидирующие позиции подавляет —спокойно, не повышая голоса, изображает из себя утомлённого бесконечными и назиданиями воспитателя, уставшего поправлять своего воспитанника и поддерживать должную дисциплину (чем опять же, заставляет Цезаря уступать ему во всём, заставляет его почувствовать себя учеником, робеющим перед строгим учителем).

Со временем Цезарь начинает чувствовать себя пешкой в чужой игре, разочаровывается, теряет волю и инициативу — не знает и не понимает, в каком направлении ему стоит действовать (и ради чего). Габен, видя происходящие с ним перемены, начинает волевым усилием направлять инициативу Цезаря в нужное ему русло: взаимодействует с Цезарем как с глупым упрямцем, заставляя его действовать в нужном направлении, по нужной указке без объяснений причин. (И тогда уже отношения начинают напоминать ИТО прямой ревизии, где роль "дрессировщика", подавляющего упрямство своего подревизного, выполняет Габен, холодным и бесстрастным взглядом, противопоставляющим свою волю и своё упрямство упрямству и воле Цезаря.)

Цезарь, утративший волю к победе (или волю к сопротивлению), уже не представляет опасности для Габена: как потенциальный соперник он уже не рассматривается Габеном всерьёз. Потеряв интерес к дальнейшему противоборству, Габен начинает периодически исчезать из поля зрения Цезаря: он своё доминирование в этих отношениях уже утвердил и может считать свою задачу выполненной. Оставшись в неведении относительно дальнейших деловых планов Габена, Цезарь начинает ощущать себя зависимым от его дальнейших планов и указаний (его деловая инициатива начинает угасать и "зависает" по аспекту деловой логики и интуиции времени: дело стоит, руководитель проекта отсутствует, местопребывания его неизвестно, впереди полная неопределённость и пустота…

Опасаясь совершить какой - нибудь деловой или технологический промах, Цезарь приостанавливает работу, стараясь восполнить потери ресурсов и времени или пытается преобразовать её в какое - то собственное предприятие, за что при встрече Габен с него строжайше взыскивает: строго выговаривает как за бездействие ("не догадался самостоятельно продолжить работу, все дела запустил"), так и за излишнюю инициативу ("всё сделал неправильно, не то, что требовалось и не так…").

Попадая под волну очередной критики, Цезарь чувствует себя марионеткой в паутине чужих манипуляций, вырваться из которых не представляет для себя возможным. Обиды и упрёки, которыми он осыпает Габена при встрече, Габеном полностью

игнорируются: Габен реагирует на них насмешками и демонстративным безразличием, по - прежнему давая понять, что не воспринимает претензии Цезаря всерьёз. Если их общие дела к тому времени начинают приходить в упадок, насмешки и безразличие Габена приводят Цезаря в ужас: он безуспешно пытается понять, зачем, чего ради его втянули в это предприятие? Только для того, чтобы чем - то отвлечь, занять, найти какое - то применение его деловой активности и его силам? Куда - то перенаправить, перераспределить энергию Цезаря, чтобы потом сковать его ожиданием и неопределённостью, пригасить его избыточную деловую инициативу для того, чтобы нейтрализовать его как возможного конкурента?

Когда Цезарь начинает понимать, что именно в этом "погашения избыточной инициативы" и заключается смысл всех этих технологических манипуляций, ему становится страшно: услужливый "мастер на все руки", "прекрасный принц", "благородный герой", "мудрый учитель" - Габен теперь уже представляется ему совсем в ином свете. Активация по деловой логике (+ч.л.6) оборачивается для него очередной (и теперь уже самой сильной) фрустрацией, воодушевление сменяется разочарованием, после которого ему уже трудно рассчитывать на успешное деловое сотрудничество. Деловая инициатива угасает, и одновременно угасает желание предпринимать что - либо грандиозное — то, на что имеет смысл растрачивать своё время, энергию, силы, жизнь. Понимая, что какой - то отрезок времени он работает впустую (исключительно для того, чтобы пережечь часть энергии, которую можно было бы направить на что - то более стоящее), Цезарь испытывает страшное разочарование, пережить которое и восстановить силы он может только отдалившись от Габена и разорвав с ним все отношения (чему Габен, естественно, будет противится).

Программная сенсорика ощущений Габена (-б.с.1), с её пространственной рассредоточенностью, оказывается той средой, в которой, рассредотачиваясь, угасает деловая активность Цезаря. Что в свою очередь угнетает его и "бьёт" по квадровому комплексу — комплексу "связанных рук": силы, время, способности, деловая активность, волевой и возможностный потенциал, предназначенный для свершения великих дел (и получения высоких наград) растрачиваются впустую. Собраться с новыми силами и направить свою энергию в новое позитивное русло после всех пережитых разочарований не всегда представляется возможным.

9. Цезарь — Габен. Мираж как отношения ложной суггестии и ложной активации

Отношения партнёров могут быть и очень сумбурными, и рассчитанные на какие - то короткие, “эпизодические стратегии”, когда каждый из них захочет победить в той или иной ситуации, сделать так, чтобы партнёр за ним побегал, оставить последнее слово за собой. Такая форма отношений объясняется совокупностью их качеств: тем, что они оба — стратеги, оба — иррационалы и программные сенсорики; оба импульсивны, оба прислушиваются к своим ощущениям и желаниям.

И все эти “противоборства” и “противостояния” развиваются на фоне их взаимной активации, сменяющейся взаимным охлаждением и инертностью. (Взаимодействие по творческим функциям, по каналам 2 — 6, 6 — 2; ЭГО — СУПЕРИД) И на фоне их взаимного расслабления и умиротворения, чередующимся со взаимным напряжением,

возникающим всякий раз, когда информация по демонстративным функциям перестаёт себя оправдывать. (Каналы 8 — 4, 4 — 8, уровни ИД — СУПЕРЭГО).

А это значит, что демонстративные эмоции Цезаря на каком - то этапе перестанут “успокаивать” Габена. Габен постарается ограждать себя от эмоционального воздействия Цезаря всякий раз, когда оно будет чревато ограничением его личных прав и свобод.

Точно так же и Цезаря будут настораживать деловитость и прагматизм Габена, если эти качества станут задевать его личное интересы, вторгаться в зону его влияния, в его субъективное пространство.

Оба психотипа этой диады достаточно свободолюбивы и оптимальная дистанция между ними территориально может быть очень большой — пример Марины Влади (Цезарь) и Владимира Высоцкого (Габен).

Ну, и конечно же, их успешному взаимодействию способствует общность их интересов, семейных или бытовых...

— А если наличие общих интересов исключается? Что тогда?

— Пример такой ситуации представлен в фильме Павла Чухрая “Вор”, великолепно иллюстрирующем взаимоотношения в этой диаде...

— Психотипы актёров соответствуют типам персонажей?

— Абсолютно! Персонаж Владимира Машкова — Габен, персонаж его партнёрши — Цезарь. (Молодая вдова, мать - одиночка встречает “идеального мужчину” — бравого фронтовика, который на поверку оказывается вором - рецидивистом, становится его сообщницей и одновременно заложницей). Ситуация для психотипов этой диады хоть и не совсем типична, но зато идеально отражает метаморфозы миражных отношений: “принц” превращается в “монстра”, добропорядочная женщина сознательно покрывает его преступления. А сам фильм, (кроме всего прочего), рассказывает и о том, как неожиданно и интересно раскрывается человек в миражных отношениях. Как легко путаются и подменяются человеческие ценности; как честный человек может незаметно для себя ступить на путь преступления, а закоренелый преступник оказывается способен на благородные порывы.

С героями в этом фильме происходят удивительные “превращения”, но все их перипетии, (независимо от сюжетного развития) до малейших нюансов повторяют механизм взаимодействия психотипов этой диады. Всё, что мы только что разбирали и описывали находит своё отражение в их отношениях и поступках.

— Поясните...

— Прежде всего, партнёр вводит героиню в мир иных удовольствий, прививает ей вкус

к “красивой жизни” и лёгкой наживе. Этим он подчиняет её своей воле, этим он её и держит. Она сразу же попадает в полную зависимость от него по аспекту сенсорики ощущений.

— А это как раз то, с чего начинаются взаимоотношения Габена и Цезаря.

— Но сквозь её “миражную эйфорию” всё больше проступает тревога и напряжение: откуда нигде не работающий мужчина берёт деньги на дорогие подарки и вкусную еду? (это в голодное-то время!) Почему он проявляет такую заботу о ней и её сыне? Почему его нежность неожиданно сменяется агрессивностью и жестокостью?

Мы видим и их сенсорное противоборство: героиня всё больше попадает под его влияние, замечает, что он злоупотребляет её доверием, видит, что его действия угрожают её свободе и благополучию её семьи, понимает, что её используют в меркантильных целях. И в этом весь драматизм ситуации: сильная и свободолюбивая женщина попадает в этакую западню — становится заложницей своих чувств и своего влечения. Она борется не только с его влиянием, она борется сама с собой, чувствует себя как львица в клетке, хотя и понимает, что эта “клетка” внутри неё — она стала заложницей своих взаимоотношений и просто так ей с партнёром не разойтись.

— Героиню фильма разочаровывает и прагматизм Габена, противоречащий её интересам...

— Разумеется, она не в восторге от его “манипуляций”, но она невольно ему помогает, поскольку ещё не выработала собственной позиции по отношению к его “убеждениям”, ещё не нашла компромисса, который бы их примирил. Она ещё верит, что он может стать честным человеком, она ещё верит, что у неё самой есть шанс не стать преступницей. Вот тут и возникает ситуация непримиримости интересов (двух упрямых квестимов - стратегов - сенсориков Габена и Цезаря), которая и делает их отношения бесперспективными, а в дальнейшем и разрушает их.

Через эту непримиримость и проявляется их волевое противодействие, когда даже малейшая уступка “бьёт” каждого из них по программе и “опрокидывает” важнейшие жизненные принципы.

Между ними начинается и интуитивное противоборство: он убеждает её перетерпеть одну-другую кражу, обещает, что вот-вот “завяжет”, что всё уладится...

— “Морочит” её по интуиции времени...

— А она ему уже не верит, “подлавливает” его на лжи по интуиции возможностей, выслеживает, срывает ему одну кражу за другой. И всё это происходит на фоне их общего сенсорного противоборства: она постоянно сопротивляется его натиску и той зависимости, в которой он её держит. Он же постоянно борется с её сопротивлением, пытаясь её сломить. Одновременно оба они ведут поиски новых стратегий и тактик: он пытается и расположить к себе её сына, и перетянуть его на свою сторону; старается и

задеть её самолюбие, флиртуя при ней с другими женщинами.

У неё своя стратегия и тактика: она одновременно “подыгрывает” и ему, и его жертвам, пытается и с ним не ссориться, и их интересы защитить. (Тот есть, очень активно работает по интуиции возможностей, ищет компромиссный выход из этого безвыходного положения). Как Цезарь, она хочет сохранить всё сразу — и мужа не потерять, и репутацию его уберечь (это после всего, что он совершил!). В чём - то ей приходится жертвовать и интересами своего ребёнка, а здесь, как этик третьей квадры, она стоит перед очень сложным выбором...

— Каким именно?

— В третьей квадре предпочтение отдаётся интересам партнёра, а интересы детей, как правило, отходят на второй план (следствие квадровых ценностей и квадровых комплексов; и в частности, “комплекса связанных рук” — нельзя мешать партнёру творчески реализовать себя, а дети здесь могут быть помехой). По этой причине героиня и уделяет больше внимания нравственному “перевоспитанию” мужа, в то время как её собственный ребёнок оказывается одинокими и заброшенным, (отчего и становится орудием преступления). И это как раз является той последней гранью, за которой она начинает отстаивать свои личностные позиции, интересы своего сына и свои моральные ценности.

И ещё неизвестно, чем бы закончилось их волевое противоборство, если бы ситуативный “прагматизм” их миражных отношений не перерос в закономерную их “душевность”...

— А ведь верно! “миражные отношения” — душевные, а не прагматичные...

— И это их объективное свойство. К миражному партнёру трудно оставаться равнодушным. Вот так и получилось, что эта милая и доверчивая женщина из “сообщницы” рецидивиста превратилась в близкого и дорогого ему человека. Поэтому он и не захотел портить жизнь ей и её ребенку, поэтому и отпустил её, и даже настоял на том, чтобы они расстались.

Этот “душевный” момент как раз и был переломным в их отношениях. Ей показалось, что в нравственном смысле этот человек совсем не так безнадёжен — с ним ещё можно иметь дело, можно связать свою судьбу; нужно только вызволить его из тюрьмы или дождаться его возвращения. Эту мысль она внушила и себе, и своему ребёнку...

— Но это мнение оказалось миражом, иллюзией...

— И за эту иллюзию уже пришлось расплачиваться её сыну, когда он спустя несколько лет встретил этого человека, уже окончательно деградировавшего и утратившего остатки совести. И вот с этим разочарованием ребёнок справиться не смог, а потому и убил своего “отчима”.

Но он расстрелял только “мираж”. Призрак этого человека ещё долго его преследовал...

Источник

Обсудить на форуме